

Минато лежал в своей кровати, скрестив руки за головой, и немигающим взглядом смотрел в потолок. Последний час он пытался заснуть, но блуждающие мысли не давали ему погрузиться в заслуженный сон.

Он повернул голову в сторону, чтобы посмотреть на стройную женщину рядом с ним. Ее грудь поднималась и опускалась в ритме дыхания. Длинные рубиново-рыжие волосы струились вокруг ее спокойной фигуры и прекрасно подчеркивали тонкие черты ее лица. Он протянул руку и нежно погладил пучок волос, откинутый с ее лица, который нарушал ее совершенство. Девушка пробормотала что-то невнятное и слегка пошевелилась во сне, позволяя другому пучку волос заменить предыдущий. Легкая улыбка тронула губы Минато, и он не потрудился смахнуть ее, снова обратившись к потолку.

Мысли его блуждали вокруг светловолосого мальчика. Обдумывая произошедшее, в его сознании сталкивались противоречивые чувства.

Во-первых, ни одна из охранных печатей не почувствовала его появления. Печати можно было бы обойти, если бы кто-то снизил уровень его чакры до почти полного истощения, но это было просто невыносимо. Никто не мог подавить свою чакру до такой степени, это было невозможно.

Все живые существа излучали минимальное количество чакры, независимо от того, как сильно кто-то старался и насколько он был опытен и натренирован. Только мертвые тела были полностью свободны от чакры, а мальчик явно был не из таких. Подземный или воздушный вход также были нереальными возможностями, печати, окружающие деревню, были подобны невидимому барьеру, и любой нарушитель был бы обнаружен. Это могло быть пространственно-временное ниндзюцу, но, опять же, это тоже было нереально. С такой опасной для жизни травмой никто не смог бы выполнить подобное высокотехнологичное дзюцу. К тому же печати сигнализировали бы о его появлении. Однако, если кто-то другой выполнил дзюцу на нем... это казалось наиболее правдоподобным сценарием. Но это все равно привело бы к срабатыванию системы безопасности. Минато продолжал думать.

Когда ему угрожала смертельная опасность, он проявлял удивительные способности к исцелению. Это не было чем-то новым, хотя после уничтожения страны Водоворота и клана Узумаки такое случалось крайне редко. Его взгляд инстинктивно переместился на женщину рядом с ним, затем снова на потолок, его глаза слегка сузились, когда его разум перешел к следующему вопросу, который не давал ему заснуть.

АНБУ проверили его вещи, но не нашли ничего существенного, кроме свитка и печатей в подвеске. У него не было защитной повязки, или, возможно, он потерял её до прибытия. Это казалось весьма вероятным, так как его одежда тоже была изорвана до неузнаваемости. Они не смогли найти никаких символов клана на том, что осталось от ткани.

Минато уже проверил свиток и печати. Последние были безопасны, простые взрывные печати, модифицированные с увеличенной или уменьшенной силой взрыва. Именно поэтому они не сразу их распознали. Это была довольно редкая практика. Для него было достаточно просто осмотреть их. Единственной действительно интересной вещью в его багаже был единственный свиток, и он раздражал его до крайности. Он не мог его открыть. Он был одним из лучших мастеров печатей, но не мог справиться с печатью подростка. Закрывающая печать была комбинированной: открывающий должен был обладать особым типом чакры, в сочетании с идентификацией по крови и еще тремя специфическими методами, которые он до сих пор не знал, ведь символы на свитке казались ему просто беспорядочной тарабарщиной.

Когда мальчик впервые очнулся, растерянный и дезориентированный, и начал говорить о

гендзюцу, это немного успокоило всех. Бывали прецеденты, когда шиноби под давлением войны ломались и получали психические повреждения. Был также человек, который в первый год войны был захвачен в гендзюцу высокого уровня на несколько недель, и он не мог воспринимать реальность ещё очень долго. Он был параноиком и видел врагов на каждом шагу. Однако мальчик был в здравом уме и осознавал свое окружение, и это не совпадало с предыдущим случаем.

Одно было ясно точно: он неоднократно упоминал красноглазого человека, а гендзюцу плюс красные глаза указывали только на один вариант: Учиха. Полиции Конохи уже сообщили об этом случае и приказали провести расследование, но они сообщили, что никто из клана никогда не вступал с ним в конфронтацию. Никто не признался в этом, во всяком случае, но у них не было причин держать это в секрете. Если его противник был не из клана, значит, за пределами деревни бродил кто-то с шаринганом.

Минато нахмурился. Мальчик узнал его и Сарутоби, но это не имело большого значения. В конце концов, Хирузен был Хокаге, да и сам Минато был уже очень известен. Его беспокоили эмоции, которые проявил мальчик. То, что он видел, и то, что упомянул Сарутоби. Это просто не имело никакого смысла. Грусть, печаль и эти глаза, полные стыда. У него даже не хватило смелости взглянуть на Минато. Когда он сталкивался с врагом, Минато знал, что он найдет в глазах противников, когда они узнают Желтую вспышку Конохи. Страх, панику, но не стыд.

Если бы его схватили на вражеской территории, он был уверен, что не почувствует того, что Сарутоби нашел в глазах мальчика. Уважение... ладно, возможно. Всегда нужно уважать врага, особенно сильного, но он был уверен, что надежда и облегчение будут самыми далекими от его мыслей, если он окажется лицом к лицу с любым из Каге. И он уж точно никого не станет называть «стариком». Он тряхнул головой, чтобы прогнать неприятную мысль о своей кровавой смерти, если он когда-нибудь обратится к Цучикаге таким образом, и попытался успокоить свой разум.

В конце концов, его паническая атака была разумной, но ее причина не была таковой. Причина была не в том, что он столкнулся с сильными противниками, а в том, что он понял, что на самом деле не находится под гендзюцу. Вопрос заключался в том, что случилось с мальчиком, что он не может принять тот факт, что это реальность? Он тихо вздохнул и повернулся к рубиноволосой женщине рядом с ним.

Минато уже смирился с тем, что мальчик обладает способностью чувствовать. Это было не угрозой, а большим преимуществом на поле боя.

За то время, что Иноичи находился в его сознании, он собрал очень интересную информацию. Базовые знания, которые он имел, также соответствовали знаниям опытного шиноби. Но откуда там чесоточный порошок? На его лице автоматически появилась небольшая улыбка, но она исчезла вместе со следующей мыслью.

Мысли Минато вернулись к фрагменту памяти, который Иноичи показал им, к словам, которые мальчик произнес во время этого воспоминания. Его голос эхом отдавался в его сознании. «Я разорву круг ненависти. Я разрушу проклятие. Если существует такая вещь, как мир, я найду его. Верь в меня. Это наследие, которое они оставили мне». Эти фразы убедили его в том, что мальчик не желает зла деревне. Ни один шпион не выбрал бы такую благородную цель.

Минато перевернулся и скрестил руки под головой, разглядывая потолок, размышляя о возможной битве. Раны парня, его порванная одежда, истощение чакры. Кто-то пытался избавиться от блондина, и ему это почти удалось. Кто-то использовал на нем пространственно-

временное ниндзюцу, которое перенесло мальчика в Коноху, возможно, чтобы избавиться от тела, и этот кто-то был Учиха.

Он повернулся к своей партнерше, чтобы прижать ее к себе и наконец-то немного поспать. Вскоре его веки отяжелели, и он позволил им упасть по зову гравитации и усталости. Он прижался к своей мирно спящей спутнице, чтобы насладиться теплом женщины, которая слегка пошевелилась, почувствовав мягкое прикосновение его тела. Минато улыбнулся, закрыв глаза, но не шевелился, чтобы не потревожить ее сон.

Из Кушины донесся громкий храп, и Минато вскинул глаза, но он не прекратился. Она продолжала свою тревожную симфонию, пока Минато не начал вздыхать, он тихо выругался про себя и снова закрыл глаза, пытаясь отгородиться от раздражающего шума.

Минато смотрел на подростка перед собой, который почти вдыхал пятую чашку рамена быстрого приготовления на завтрак, в то время как сам он держал в руках вторую чашку кофе. У него была еще одна длинная ночь, и он проснулся до будильника, чтобы сдать Хокаге полный отчет о последних трех днях их гостя. Намикадзе с интересом наблюдал за мальчиком, и не смог удержаться от слов, сорвавшихся с его губ.

- Знаешь, эта штука не слишком полезна для здоровья. Особенно в качестве завтрака.

Молодой блондин выпил последний глоток супа и удовлетворенно похлопал себя по животу, после чего откинулся на спинку стула, который жалобно скрипнул под его весом в ответ.

- Я знаю, но это было первое, что пришло на ум, когда меня спросили о завтраке, и это вкусно.

- Тебе действительно нравится эта дрянь? - Мальчик не ответил, вместо этого пожав плечами с широкой зубастой ухмылкой на лице. Минато подумывал продолжить тему, но вместо этого решил быть прямолинейным.

- Есть новости о твоей памяти?

Юноша покачал головой и опустил глаза на пол, пересчитывая плитки под собой, чтобы избежать контакта.

- Нет, ничего. Я думал, что, может быть, мне приснится моя жизнь, но я просто снова отключился - пробормотал он одной из плиток. Минато нахмурился и отпил кофе, чтобы заставить мозг работать нормально.

- Ты знаешь... - начал было мальчик, но потом остановился.

- Что? - Минато вопросительно посмотрел на него.

- Знаешь, может быть, я не хочу вспоминать - Его голос понизился до тихого, почти до шепота, а сам он по-прежнему смотрел на пол под собой, упрямо отказываясь встретиться с голубыми глазами джонина - В первую ночь я оплакивал белокурую девушку. Я даже не знаю, кем она была, и все равно... Мне до сих пор больно - Блондин посмотрел на него сверху, некогда яркий синий океан потемнел до королевской синевы, а маленькая, грустная улыбка растянула его губы - Я хочу новой жизни. Если возможно, счастливой. Я не хочу начинать ее со скорби по людям, которых я даже не знаю.

Голос блондина теперь был полон решимости, но когда он закончил, он снова опустил взгляд,

чтобы скрыться от глаз Минато, в то время как в его собственных вспыхнул стыд.

- Мне не будет больно, если я ничего не вспомню - прошептал он тихим голосом, больше для того, чтобы убедить себя, чем другого блондина.

Минато несколько минут наблюдал за парнем с настороженным лицом, но ничего не сказал, только пересел в кресло поудобнее, прежде чем попытаться прервать мрачные мысли мальчика.

<http://tl.rulate.ru/book/42610/2052623>